

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра филологического образования и журналистики

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

ВЫПУСК 11

Сургут

2019

Редакционная коллегия:

Бреусова Е.И., к.ф.н., доцент
Сургутского государственного
педагогического университета (науч. ред.)

Бутакова Л.О., д.ф.н., профессор
Омского государственного университета
им. Ф.И. Достоевского

Вишневская Г.М., д.ф.н., профессор,
член-корреспондент РАЕН.

Ганущак Н.В., к.ф.н., доцент, зав. кафедрой
филологического образования и журналистики
Сургутского государственного
педагогического университета

Ларкович Д.В., д.ф.н., профессор
Сургутского государственного
педагогического университета

Орлова Н.В., д.ф.н., профессор
Омского государственного университета
им. Ф.И. Достоевского

Осипов Б.И., д.ф.н., профессор
Омского государственного университета
им. Ф.И. Достоевского

Парфёнова Н.Н., д.ф.н., профессор
Сургутского государственного
педагогического университета (отв. ред.)

Путятина Е.И., к.ф.н., профессор
Сургутского государственного педагогического
университета

Рянская Э.М., д.ф.н., профессор
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета

- А 43** Актуальные проблемы лингвистики : Сборник научных статей. Выпуск 11 / Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет» ; редкол.: Е. И. Бреусова (науч. ред.) [и др.] ; отв. ред. Н. Н. Парфёнова. – Сургут: РИО СурГПУ, 2019.

УДК 81'373.6–81'373.2

ББК 81.2(3)

А. И. Илиади

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ В РУССКОЙ ГИДРОНИМИИ

Цель предлагаемой статьи – ввести в практику праславянской реконструкции новый материал, который скрывает русская гидронимия. Для этого были специально отобраны только лексемы с архаичной словообразовательной структурой, а также лексемы со связями за пределами русского диалектного ареала. В комплексе такой подход позволил не только восстановить сумму потенциально древних слов, но и выделить целый ряд архаичных изоглосс, вскрывающих следы диалектного членения праславянского языка.

Ключевые слова: этимология, праславянский, реконструкция, суффикс, ареал.

A. I. Iliadi

LEXICAL ARCHAISMS IN THE RUSSIAN HYDRONYMY

The goal of this paper is to involve a new material, hidden in the Russian hydronymy, into the practice of Proto-Slavic reconstruction. This target is achieved through selecting only lexemes with connections beyond Russian dialectal areal. Such an integrated approach enables not only to reconstruct a sum of potentially ancient words but also highlight a number of archaic isoglosses, which demonstrate the traces of dialectal separation of Proto-Slavic language.

Key words: etymology, Proto-Slavic, reconstruction, suffix, areal.

1. Вступительные замечания

Ареал русской гидронимии имеет широкие границы, в которые укладываются как территории исторической России, так и земли, в разное время освоенные русскими переселенцами. Культурно-историческую ценность этой многочисленной и хронологически многослойной системы водных названий едва ли можно переоценить, ведь они отражают особенности контактного с гидрообъектом ландшафта, важные для населения черты его гидроморфологии, его роль в промысловом или хозяйственном использовании (ср. *Мельничная, Волок, Сплав(ная), Плотовая, Порт-о-моя ~ портомой* ‘место на реке, где полощут белье’ [23: вып. 30, с. 96] и пр.). Иными словами, они важны как вспомогательные свидетельства истории региона. Однако научное значение гидронимов не исчерпывается чисто культурной информацией: в практике лингвистических исследований они используются как факты с исключительным

реконструктивным потенциалом, сохраняющие то, что было утрачено в апеллятивной лексике. Отсюда пристальное внимание к ним со стороны исторической лексикологии и этимологии в плане освещения этапов становления русского словаря.

Этимологическое обозрение всего современного корпуса русских водных названий, не говоря уже о привлечении к нему исторической гидронимии, засвидетельствованной в документах разного времени, – задача, невыполнимая в рамках одного исследования. Опыт классических исследований славянской водной номенклатуры А. И. Соболевского, К. Мошиньского, Я. Розвадовского, Ф. Безлая, О. Н. Трубачева, В. Н. Топорова, И. Дуриданова учит, что подобный проект требует долгой подготовки, предусматривающей кропотливый сбор и верификацию материала, его ареальное распределение, установление исторической преемственности форм (связь отмеченных в памятниках письменности вариантов названия водного объекта с его современным названием), выявление общего и различного в лексическом составе гидронимии бассейнов разных рек, объяснение связей между гидронимией (вообще топонимией), локализованной в бассейнах крупных водных артерий, важных как географические ориентиры и пути сообщения, хронологическая стратификация гидронимов и, наконец, их этимологический анализ. При этом глубина этимологического анализа водного названия зависит от факта наличия или отсутствия для него апеллятивной опоры:

1) если таковая имеется, то этимология (в данном случае – мотив номинации, ср. *Оболóнь* < *оболóнь* ‘низменное поречье, покрытое травой’) считается установленной;

2) если соотносительного апеллятива нет, его восстанавливают с учетом существующих однокоренных соответствий и реконструируют его значение, объясняющее ономаσιологический акт. Трудность может заключаться в том, что соответствующее словообразовательно-этимологическое гнездо слов, в котором предположительно возник гидроним, практически исчезло, поэтому прежде чем истолковать гидроним, надлежит реконструировать само это гнездо.

Предлагаемая в настоящей штудии этимологическая трактовка некоторых названий вод, отмеченных на российских территориях, сориентирована преимущественно на случаи второго типа. Значимость этих названий для славянской этимологии и праславянской реконструкции обусловлена тем, что они донесли до нашего времени ряд лексических архаизмов, исчезнувших из реликтового апеллативного словаря или же никогда в нем не существовавших, будучи сразу образованными из морфемного материала как онимы без апеллативной стадии (генуинные гидронимы).

2. Следы праславянской архаики в русской гидронимии

Рус. *Баговица* [48, с. 36] – суффиксальное расширение (-ica) основы косвенных падежей псл. *bagy, -ъve, ср. н.-луж. *bagi* мн. ‘тундры, болота’, укр. *багва́* ‘болотистая низменность, топь’, а также альтернативную суффиксацию в *bagъvinъje и *bagъvnikъ [38: вып. 1, с. 133, 134]. Вокализация редуцированного, видимо, обусловлена его подударностью, в противном случае ожидалась бы форма *Баговица.

Ст.-рус. *Безпута*, *Беспута*, XVI в. – река в Каширском уезде [17, с. 292], рус. *Беспута*, *Безпута* – река в бассейне Оки [25, с. 142]. Еще один рефлекс древнего прилагательного fem. *bezpota, ср. уже известные др.-рус. *вєспуѡта*, *вєзпуѡта* ‘бездорожье’, а также masc. *bezpоть, ср. серб., хорв. *бѣспѡт* ‘то же’ [38: вып. 2, с. 40].

Рус. *Березай* – водный объект в Новгородской обл. [48, с. 51]. Название воспроизводит псл. *berz-ajъ – дериват от *berza ‘береза’.

Ст.-рус. *Березуи* – река [9, с. 204], рус. *Березуй* – приток Волги ниже устья Гжати [21, с. 331]. Еще два продолжения псл. *berzujъ, ранее также восстановленного на русском примере *Березуй*, XVII в. – название пустоши [38: вып. 1, с. 207].

Ст.-рус. *Бохоть*, 1567–1568 гг. – река, приток Тысьи в Борисоглебской вотчине Рязанского края [16, с. 441] наряду с рус. диал. свердл. *бóхоть* ‘вода, покрывающая лед на реке’ [23: вып. 3, с. 139] воспроизводят праславянский

архаизм **boxotъ* – дериват соотносительный с глаголом **boxotěti/*boxъtěti*, ср. словн. *bohoteiti* ‘буйно, пышно расти’, укр. диал. *бухміти* ‘подходить, вздуться (о перекисшем молоке)’ [38: вып. 2, с. 163]. Вопрос о направлении производности («глагол → имя» или «имя → глагол») решается, скорее, в пользу отыменности глагола **boxotěti*, чья словообразовательная структура укладывается в рамки деривационных отношений в парах «существительное с суфф. *-ot-* > глагол на *-ot-ati*», ср. *грозот* > *грозот-ать*, *топот* > *топот-ать*, *хлопот* > *хлопот-ать*, укр. *клóнит*, *клóпоти* ‘хлопоты’ > *клопотати(ся)*¹ и пр. Само же псл. **boxotъ* – регулярное отглагольное производное по модели с суфф. формантом *-otъ*, аналогичное **былботъ* < **былбати* [38: вып. 3, с. 116], **грозотъ* < **грозати* [38: вып. 7, с. 135–136], **хлопотъ/*клопотъ* < **хлопати* [38: вып. 8, с. 36–37], **топотъ* < **топати* и т. д. Мотивирующий глагол **boxati* косвенно восстанавливается с учетом родственного **baxati* (ср. серб., хорв. *bàhati* ‘топать’) и произв. **baxъtъ* (?), ср. *bahat* ‘топот’ [38: вып. 1, с. 134, 137]), чьи отношения в точности повторяют связь **boxati* > **boxotъ*.

Изогlossa ст.-рус. *Boxotъ*, рус. диал. *бóхотъ* продолжается в ареалах польской и болгарской гидронимии, где отмечены пол. *Vochot* – озеро в бассейне Вислы [46, с. 51] и болг. *Бóхот* – река с истоком западнее Балвана (на запад от Тырново); также как название правого притока Росицы и левого Янтры [49, с. 47]. География рефлексов **boxotъ* не совпадает с распространением производных глаголов, т. к. последние зафиксированы лишь в словенском и украинском лексиконе. Этот факт, наряду с тем, что **boxotъ* употребляется в изолированных друг от друга ареалах, свидетельствует о его древности. См. еще: [6, с. 333; 7, с. 392–393].

Рус. *Вязмень* – название реки, убедительно объясненное М. Р. Фасмером в связи с *вѣзкий* как «илистая река» [34: I, с. 375], ср. еще формы *Вязмень*, *Вязменка* (бассейн Западной Двины), где констатируется суфф. *-men-* [2а, с. 247]. Псл. **vęzmenъ* – именное сложение основы глагола **vęzati* и суфф. *-menъ*. Буквальный структурно-этимологический аналог для рус. *Вяз(ь)мень* существует в польской исторической гидронимии, ср. **Wiąźmień* (*Waszmyen*, *Wanszmyen*,

1475 г. – река [45: т. I, с. 158]: с упоминанием этимологии М. Р. Фасмера) как свидетельство старой русско-польской изолексы.

Ст.-рус. *Кремня* и *Кромля* – реки в р-не Москвы [22а, с. 606], *Кремлиха*, 1555 г. – починок в бывш. Вологодском уезде [22, с. 426], названия которых воспроизводят дериваты с суфф. *-ьл-* и *-j-* от разновидностей одной псл. основы, т. е. псл. **krem-ьна* : **krem-ja* : **krom-ja*. Ср. семантику рефлексов однокоренных **kremjь* и **kroma/*kromъ*: др.-рус. *крѣмль* ‘внутренняя городская крепость’, рус. диал. *крѣмль* ‘каменный гостиный двор, расположенный квадратом’; др.-рус. *кромъ* нареч. и предл. ‘прочь, в сторону’, рус. диал. ряз., тул. *крóма* ‘конец, край земельного участка’ и др. [38: вып. 12, с. 117–118, 185–186]. Черта номинации определяется весьма приблизительно как ‘крайняя’, ‘отграничивающая’, ‘отделяющая’, ‘обособленный от остальных рукав, приток’, ‘укромная’ (ср. к последнему значению водные названия *Тайная*, *Тайный*; см. ниже *Чаенка*). Внутри восточнославянской территории оба названия связаны с *Кремля* – река в бассейне Днепра (приводится по: [38: вып. 12, с. 118]), демонстрируя гидронимическую изоглоссу.

От ст.-рус. *Кремня* на запад Славии тянется изоглосса, представленная здесь пол. *Krzemno Jezioro* в бассейне Одера [46, с. 152] и ст.-пол. *Kromno* – местность на юг от *Krosna*, ср. еще личное имя *Jan Kromno*, 1457 г. [41, с. 91, 92], которые воспроизводят псл. **kromьно* – вариант со ступенью *-o-* корневого гласного.

Рус. *Моловна* (варианты: *Молва*, *Моловка*, *Молвка*) – водный объект в бассейне Оки на территории бывш. Рязанской губернии [47: т. III, с. 299]. Учитывая значительный балтийский элемент в гидронимии Поочья, теоретически можно было бы связать с народной географической терминологией типа лит. *mul̃vas* ‘грязь’, *mul̃vė* ‘тина, ил’, ‘грязь; вязкая, топкая, прилипающая к ногам земля’, ‘болото’, ‘родник, источник’ [13, с. 53], ср. в особенности формы с основой *Молв-*. Однако вероятнее видеть в гидрониме аффиктив на *-н-* от *мóлово* – буквальное соответствие слвн. *ml̃év* ‘речной песок’, вместе с которым русское слово восходит к псл. **melvo*. Топонимическое употребление деривата от *мóлово*

говорит о его специальной семантике ‘песок’ → ‘песчаный’, ‘с песчаными отмелями’, не зафиксированной доступными лексикографическими источниками, где мы находим только рус. диал. *мо́лово* ‘помол’ [38: вып. 18, с. 92–93], из которого значение *‘песок’, собственно, и развилось. Формы с выпадением *о* во втором слоге, определенно, вторичны. Семантический сдвиг ‘помол’ → ‘(речной) песок’ не требует особого обоснования.

Ст.-рус. *Молокша* – река [2, с. 419] = псл. *molкъša. Предположительно, производное с формантом *-ъša* от *molka (ср. блр. диал. *мо́лока* ‘топкое место на лугу, в болоте’ [38: вып. 19, с. 187–188]), вариантное к *molk-ушь, также известному только из гидронимии, ср. укр. *Молокіиш* – левый приток Днестра [33, с. 346]. С другой стороны, не исключена принадлежность слова к финской субстратной топонимии, которой, помимо прочих признаков, свойствен исход *-кша*, ср. формант *-Vкса (-Vкша)* в таких названиях рек, как *Кучемокса (Кучемокша)*, *Маймакса*, *Чучекса*, где он сопоставляется с фин. *oksa* ‘ветвь’, мари *ukš, uks*, а также мари *икса* ‘залив’, ‘заводь’, ‘старица’, ‘речка’, ‘проток’ [11, с. 27].

Впрочем, если перед нами поздний фонетический вариант к речному названию *Молокча* в бассейне Клязьмы, 1650 г. (о нем см: [29, с. 258]), оба толкования становятся проблематичными.

Рус. *Посуда* – поток в бывш. Рязанской губернии [47: т. III, с. 770] = *pro-soda. Мы приводим этот гидроним среди прочих, не имеющих апеллативной опоры названий и названий со слабой апеллативной поддержкой, потому, что он указывает на былое адъективное употребление слова. Иначе говоря, изначально – **Посуда(я)* = лодочная река. К этой мысли подводит наличие у рус. диал. *посуда* значения ‘лодка’ (костром., симб. и др.) [23: вып. 30, с. 247], не говоря уже о хорошо известном производном названии различных плавсредств *посудина*.

Рус. *Стырок* – речной порог ниже Воеводина в р-не течения Волги [21, с. 352]. Поучительный в плане лингвистической географии пример древних связей волжской гидронимии с водными названиями бассейна Припяти,

образующими целое гнездо с базовым др.-рус. *Стырѣ*, совр. *Стир* – её правым притоком. Среди уменьшительных дериватов потамонима (согласно К. Мошиньскому, это первоначальный adj. **styrъ*) упомянем *Стырець*, *Стирѣць*, *Стірик* и специально *За-стирок*. Подробнее (с литературой вопроса) см.: [37, с. 85–87].

Ст.-рус. *Сувод*, XVII в. – река в Казанском уезде [15, с. 527] ~ рус. диал. астрах., волж., яросл., костром. и др. *су́водь* ‘водоворот, образуемый обратным течением воды, отталкиваемой от берега, противоположным течению реки’, печор. ‘быстрое течение на реке, стрежень, фарватер’, урал. ‘заводь, тихое место в реке’ [23: вып. 42, с. 139–140]. Судя по архаичной модели с префиксом *су-*, потенциально древнее сложение **sq-vodъ*, **sq-vodъ* ~ **voda*.

Рус. *Судолга* – поток в Ярославской губернии [47: т. VII, с. 432]. Именное сложение **sq-dьlga* (> **sq-dьlga*): приставка **sq-* & имя, соотносительное с адъективом **dьlgъ(jь)* ‘долгий’, ‘длинный’. Ср. с иным, весьма редким, префиксом (псл. **jь-*) *И-долга* – приток Медведицы в бассейне Дона в Саратовской области [32, с. 17, 19].

Рус. *Сукремля* (Маршенка), *Сукромля* – водоемы в бывш. Смоленской губернии [47: т. VII, с. 434] = **sq-kremja/*sq-kromja*. Именные сложения приставки **sq-* и **krem-ja/*krom-ja* – дериватов на *-j-* от основы **krem-/*krom-*. Ср. выше ст.-рус. *Кремня* и *Кромля*. Обе формы дополняют ряд префиксальных образований с этим этимомом, среди которых укажем рус. *укрѡмный*, рус.-цслав. *укромъ* ‘край, предел’, *укромьнъ* ‘крайний’, чеш. *soukromý* ‘частный, обособленный’ [34: IV, с. 157] и особенно соотнесенный с ними слвн. топоним *Mokronog*, в котором Л. Пинтар еще в 1914 г. проницательно усматривал старое образование **ta-kromъново* с префиксом **ta-* ‘как’, ‘как-то, как-нибудь’ [42, с. 334].

По-другому о рус. речных названиях *Сукромля*, *Сукромна*, *Сукромно* и *Сукромной* см. [14, с. 251, 252, 253], где предлагается иная этимология с трактовкой разницы исходов как следов старого соотношения суффиксов *-теп-* (*-тп-*) и *-то-* (*-тi-*).

Ст.-рус. *Сухода* – река [10, с. 326], рус. *Сухода*, *Суходь* – потоки в бывш. Владимирской губернии [47: т. VII, с. 461, 465], *Сухода* – река в бассейне Оки [25, с. 214] = **sɔxoda*, **sɔxodь* – именные сложения приставки **sɔ-* с существительными **xoda*, **xodь* ~ **xoditi*.

Рус. *Толмань* – название двух водоемов в бывш. Вятской губернии [47: т. IV, с. 584]. Вероятное отражение псл. **tǫlmanь* – архаизма индоевропейской эпохи **tǫ-mōn-*, вариантного по структуре к **tel-men-*, реликт которого также обнаруживается в славянском **telmenь*, ср. укр. *Телемень* – название притоков Ризни, Ирши, Тетерева и Днепра. Неславянский фон славянской лексике образует др.-гр. *τέλμα* < **tel-mŋ* ‘стоячая вода, болото’ [14, с. 255]. Таким образом, в славянском известны обе апофонические разновидности основы – с полной ступенью корневого и суффиксального вокализма и со ступенью редукции гласного в корне при продлении его в суффиксе.

Рус. *Узмень* – река и озеро в р-не Новгорода, ср. одноименные блр. названия озер возле Витебска и в бывш. Минской губернии [47: т. IV, с. 673] ~ др.-рус. *оузмень* ‘узкое место’, ‘узкий залив’ [26: т. IV, с. 1171]. Деадъектив **oʒmenь*, производный с суфф. *-menь* от утраченного **oʒь* ‘узкий’ (в апеллативном употреблении известна только суффиксированная форма **oʒь-ькь*). Остаточный характер производящего **oʒь* и архаичная суффиксация – индикаторы древности слова, ср. к словообразованию рус. *го́ломень* ‘поверхность озера, не защищенная от ветра’, ‘открытое море’ ~ *го́лый*; *сухме́нь* ‘сухая плохая почва’ : *сухо́й*; др.-рус. *оузмень* ‘пролив’ : **oʒькь* ‘узкий’ [44, с. 126]. Ср. еще [14, с. 254]: с членением рус. *Уз-мень* ~ ст.-сл. *ǰз-ъ-(кь)*. В ЭССЯ прототип **oʒmenь* отсутствует.

Рус. *Ущер* – название нескольких рек в бывш. Владимирской губернии [47: т. IV, с. 730]. Если это не местное фонетическое развитие исходного **Oщер* (~ рус. диал. *ощерить* ‘открыть, раскрыть, расширить’ [38: вып. 30, с. 150]), то, кажется, имеет перспективу объяснение *Ущер* как старого адъектива **ušcerь*, однокоренного с тем же **ščeriti* ‘раскалывать’, которое находим в рус. *ощерить*,

однако с иной приставкой. В последнем случае предположим каритивную семантику для *u-, как в *u-bogъ(jь) ‘бедный, неимущий’, ‘убогий’, т. е. *u-šcerъ : *šcerъ. Значение прилагательного?

Не выходя за рамки словообразовательной связи со *šceriti, предложим еще одно решение вопроса о начальном У-: его праславянский прототип вполне сопоставим с арийским *au- ‘рядом’, ‘возле, близ’, ‘у’, т. е. = *У (подле) Щера.

Явная принадлежность рус. Ущер к словообразовательному гнезду псл. глагола *šceriti делает необудительной попытку В. Н. Топорова сориентировать на балтийские прототипы *Skirv-, *Au-skirv- группу окских топонимов, ср. Ущерева, Ущерева Вышняя (Щерева Верхняя), Ущерева Нижняя, Ущерева, Ущерка и, собственно, Ущер, которые определены как не вполне ясные и связанные с днепровскими Щервенка, Скверета, Сквиря [30, с. 169].

Рус. Хизна – название водных объектов на территории бывш. Орловской губернии и в бассейне Десны [47: т. V, с. 34]. Субстантивированное прилагательное *хузъна, формально соотносительное с псл. глаголом *хузнѣти (ср. рус. диал. хізнуть ‘убывать’) [38: вып. 8, с. 164], или производное от него существительное *хузна с результатом декомпозиции суффт. -nq- > -n-q- и осмыслением -n- как исхода производной именной основы. Возможно, мы имеем дело со свернутой синтагмой *Хизна(я) река = река с убывающей водой, пересыхающая река?

Др.-рус. Ходыня, 1410–1431 гг. – река [1: т. II, с. 563], рус. Ходынь – река, приток Москвы [25, с. 107], а также произв. ст.-рус. Ходынка – речка [9, с. 333], которые, наряду с др.-слвн. Chodinię, 1025 г., Chodiniai, 1028 г. – приток Воглайны [39: т. I, с. 220] и некоторыми другими соответствиями, продолжают псл. *ходуни/*ходунь – дериват с формантом -уни/-унь от основы *ходити, *ходь. Подробнее см.: [6, с. 199; 7, с. 247–248].

Ст.-рус. Холань – река: «Белагорода и Гѡскола верхъ речки Холани», 1629 г. [20, с. 54]. Рефлекс псл. *холань, -i – именование сложение с суффт. -an-, параллельное к восстановленным в литературе *холуь, *холунь, *холуни, ср. рус. диал. хóлуй ‘нанос разного сору весенней водою’ [38: вып. 8, с. 65, 66].

Собственно, между этих дериватов **xolanь* и получает право считаться древним словом как элемент их ряда.

Ст.-рус. *Холохол*, XV в. – речка [18, с. 358], *Холохольня*, XVI в. – река в Московском уезде Московской губернии [27, с. LV], *Холохоленка*, *Холохолка*, *Холохольна/Холохольня* – названия рек в гидросистеме Оки [10, с. 333; 38: вып. 8, с. 60], чей звуковой облик отсылает к словам с древней структурой основы *tolт*, закономерно развившейся в *tolot* у восточных славян. Для рус. *Холохол* существует полный структурный аналог в южнославянском топонимиконе, ср. др.-серб. у *Хлахолинѣ*, 1345–1346 гг. – населенный пункт [35, с. 79: сноска], *Hlaholi* – название села [38: вып. 8, с. 61] как указание на русско-южнославянскую изолексу. В основе этого гнезда слов лежит псл. **xolxolь* – редупликация корня, представленного в **xoliti* (см.: [38: вып. 8, с. 60–61]). Однако применительно к названию проточного водоема, реки не исключено толкование **xolxolь* как удвоения звукоподражательного корня, имитирующего журчание, ср. похожую ономотопею в осет. *хæл-хæл* ‘журчание’, ‘хохот’, форма род. п. мн. ч. которого *хæл-хæлты* мотивировала гидроним *Хæл-хæлты дон* = «Журчащая вода» [36, с. 72].

В связи с распространением лексики с аналогичной формой основы за пределами ареала балтийской субстратной топонимии России (басейн Оки) отнесение русского названия к балтийскому вкладу (попытка сравнить его с *Холхло* – местечко около Ашмян [29, с. 274]) встречает возражения. Однако сравнение русских слов с *Холхло* все-таки возможно, если в нем самом усматривать субстратное славянское название из ономастикона коренного славянского населения Прибалтики. При таком ракурсе *Холхло* непротиворечиво понимается как **xьl-xьlь* – редупликация слабой ступени того же корня, что и в **xolxolь*. Отметим, что количественно довольно представительное гнездо славянских гидронимов с базовым псл. **xьl-* недавно было описано в работе Р. М. Козловой [8, с. 213–215], однако она, по нашему мнению, неверно трактует структуру основы **xьlxьl-*, выделяя тут суфф. *-ьl-*, т. е. **xьlx-ьl-*. Поскольку рядом с формами типа блр. *Халхολіца*, *Холхолоц* приведены рус. *Холх*, слвц.

Chelch (гидронимы) и под., логика такого членения понятна, однако едва ли оправдана как с учетом **xolxolъ*, где наличие суфф. *-ol-* проблематично, так и с учетом неясности функции суфф. *-ьl-* в приведенных названиях. Псл. **xъlxъ*, к которому восходят рус. и слвц. названия, – это продукт неполной редупликации с частично повторенным корнем во второй части.

Ст.-рус. [*Холховь*], 1603 г. – река в бывш. Комарицкой волости: «с верхъ речки Холхови» [19, с. 69, 213], *Холхов* – речка [10, с. 333]. Вторично тематизированное на *-ї* имя с исконным показателем *ū*-основы **xъlxу*, *-ьve* (аналогично к *церковь*, *морковь*, *свекровь* и пр., которые изначально тоже принадлежали к склонению на *-ū*), представляющее парадигматический вариант к **xъlxъ*, о котором см.: [8, с. 213–215]. Нам не удалось найти апеллативную опору в доступных источниках русской диалектной лексики, потому обратимся к родственным формам в других славянских языках, ср. блр. диал. *хоўхла*, *холхва*, *хелхло* ‘болотистая низина’, пол. диал. *cheuchy* ‘голое, не заросшее в лесу место’, *хеиху*, *хеху* ‘надречные луга с буйной растительностью’ (приведены по: [8, с. 214]).

Рус. *Хотва* – река, левый приток Оки [25, с. 100]. По виду – слово с *ū*-основой **xoty*, *-ьve*, показатель которой оформил корень **xot-* ~ **xotěti*. Другой пример использования лексики с этим корнем в топонимии находим в **xot-yuni*, ср. чеш. *Chotyně* – местное название, блр. *Хотынь* – название реки [38: вып. 8, с. 85].

Рус. *Чаенка*, XIX в. – речка в бывш. Орловской губернии [31, с. 30] и новгородский ойконим *Чайная Кимшина* [43: т. X, с. 40]. След диал. прилагательного **чайный* = псл. **čajъnъ(jъ)* ~ **čajiti se* (: пол. *czaić się* ‘устанавливать засаду, подкарауливать, поджидать’, ‘подкрадываться’ [38: вып. 4, с. 11], ср. еще укр. *чаїтися* ‘таиться’, префиксальное *при-чаїтися* ‘притаиться’). Среди его продолжений с иной географией укажем еще слвн. *Čajna* – приток Зили в Каринтии (~ слвн. *čâjati* ‘ждать’) = **čajъna* или **(ne)čajъna*, пол. *Czajna* и *Nieczaj* – гидронимы [39: т. I, с. 109], пол. *Czajnik* – озеро в бассейне Вислы [46, с. 64], произв. с формантом *-ik*. Сложно высказаться определенно о семантике адъектива. Не исключена функциональная близость к *тайный* в гидронимической функции, ср. многочисленные названия таких небольших рек,

их рукавов, как *Тайна*, *Тайная* и пр., часто мотивированные наличием в пойме плавней – места, удобного для укромного ожидания или поджидания.

Существуют и префиксальные образования, напр., **ne-čajь* (см. выше пол.), **otъ-čajьно* (см. ниже серб., хорв.) и **ro-čajьна*, на которое указывают укр. *Почайна* – река, п. Днепра [24, с. 445] и др.-рус. *Почаина*, ранее корректно объясненные в связи с др.-рус. *почаяти* ‘ожидать’, серб., хорв. *Оčajно* (*Očajuno*, 1319 г.) – приток Савы ~ *očajan*, *očaj* (см. о нем специально: [40: т. II, с. 55]) и семантически смежным слвн. *Tajna* = ‘укромная, потаенная’ [33, с. 344]. По-другому (параллельно версии О. Н. Трубачева) см.: [5, с. 97–108].

Рус. *Черемнецкое* – озеро в бывш. Санкт-Петербургской губернии, *Черемница* – название двух гидрообъектов в бывш. Тверской губернии [47: т. V, с. 116, 117]. Названия интересны тем, что сохраняют следы былого существования в русском языке двух дериватов с суфф. *-ic-* и *-ьс-* от псл. adj. **čьrtьnъ* ‘красный’, стоящих в одном ряду с **čьrtьn-ikъ*, **čьrtьn-ьkъ* (см.: [38: вып. 4, с. 149–150]). В ЭССЯ под праформой **čьrtьn-ica* приведен единственный рус. пример с фонетически упрощенной диал. формой *черемница* ‘корь’ [38: вып. 4, с. 149], статья **čьrtьn-ьсь* здесь отсутствует, видимо, ввиду того, что при наличии в русском производящего прилагательного (ср. диал. *черемной*, *черёмный* ‘рыжий’) древность производного на *-eц* была сочтена проблематичной. Среди продолжений **čьrtьn-ica* (в ЭССЯ прототип опирается только на серб./хорв., слвн., рус. факты) укажем еще хорв. *Crtnica* (*Churimnucha*, 1357 г.) – водный объект в бассейне Савы [40: т. I, с. 79] и пол. гидроним *Czertnica* (бассейн Одера) [46, с. 65].

Иная точка зрения на словообразовательную структуру славянских топонимов типа *Чермен(ец)*, *Чермно* : *Čertná* высказана Ю. В. Откупщиковым, согласно которому в них представлены варианты одного и.-е. суфф. *-men-*, *-mn-* [14, с. 253, 255].

Ст.-рус. *Ясменная*: «на усть Ясменой», 1567–1568 гг. (в бывш. Моржевском стане Рязанского края) [16, с. 461]. Уверенно можно говорить о псл. **ěsměnъ* или

*ěsmenъ – старом прилагательном, производном по модели с формантом *-měнь/-menъ* от **ěsa/*ěsъ*, ср., напр., серб., хорв. *jas* ‘ясность’, слвн. *jása* ‘просека в лесу’ и пр., см.: [38: вып. 6, с. 50]. Апеллативный рефлекс **ěsměнь/*ěsmenъ* также засвидетельствован, но вне сферы народной географической терминологии, ср. диал. эпитет сокола *ясмѣн сокол* ‘ясный сокол’ (в песнях) [3, с. 1584]. Он был привлечен к анализу рус. *ясмѣнник* (подмаренниковый) ‘*Asperula L.*’ и укр. диал. *ясьмѣнник* ‘маренка подмаренниковая, *Asperula glauca Bess*’, неуверенно сближаемых с укр. *ясній* (из-за белых цветов растений) и в итоге признаваемых неясными (способ словопроизводства не комментируется) [4, с. 559]. К словообразованию ср. **rud-měнь > *ruměнь* ‘красный’, ‘румяный’ [34: III, с. 517], **dux-menъjъ* ‘душистый’, ‘пахучий’ [38: вып. 5, с. 151] и др.

Восточнославянские рефлексy псл. **ěsa/*ěsъ* в ЭССЯ представлены только рус. диал. уменьшительной формой *яска* ‘звезда, звездочка’, тул. ‘огонь’, хотя в итоге в *-к-* предполагают след первоначального *-k-*, оставшегося после редеривации **ěsknъ > *ěsa/*ěsъ*. Сейчас уже можно расширить фактическую базу для реконструкции **ěsa/*ěsъ*, доповнив её укр. диал. лексикой, ср.: *ясá* ‘свет, сияние’, *яска* ‘все блестящее; снежинка’ [4, с. 557]. Ср. еще такие укр. диал. отыменные глаголы, как устар. поэт. *ясувати* ‘выяснять’, ‘выявлять’ [4, с. 557] и префигированный *виясити* ‘показать’ [12, с. 76], возраст которых, не исключено, сопоставим с псл. **ěsa/*ěsъ*, т. е. вполне вероятно соотносить их как словообразовательную пару **ěsa/*ěsъ > диал. (вост.-слав.) *ěsiti* наравне с **ěsa/*ěsъ > диал. (вост.-слав.) *ěsměнь*.

3. Выводы

1. Как можно было убедиться выше, даже сравнительно небольшая группа гидронимов позволяет ввести в научный оборот ряд важных для праславянской реконструкции лексем. Их значимость обусловлена не только их способностью заполнить соответствующие пробелы в реконструкции праславянского словаря, но также их иллюстративностью в плане уточнения наших знаний о количестве слов, принадлежавших к разным структурным типам, о продуктивности тех или иных словообразовательных моделей в праславянском, наконец, о следах

диалектного членения праславянского, о котором судят по сепаратным изоглоссам, объединяющим славянские языки, чьи ареалы не соприкасаются и в обозримом прошлом не соприкасались.

2. Все сказанное можно суммировать несколькими штрихами, дающими достаточное представление о качестве использованного материала: 1) **bagy*, *-ъve*, **хьлху*, *-ъve*, **хоту*, *-ъve* – пополняют количество имен склонения на *-ū*; 2) **molk-ъša* (?), **qz-мень*, **ěs-мѣнь/*ěs-мень*, **vęz-мень*, **ход-уни/*ход-унь* показывают новые примеры активности соответствующих суффиксов (особняком стоит псл. **тъlмань*, представляющее близкий структурно-этимологический аналог для др.-гр. τέλμα и потому воспроизводящее дославянские (еще индоевропейские) отношения в группе родственных форм); 3) точно так же **sq-vodь*, **sq-vodь*, **sq-dьlga*, **sq-kremja/*sq-kromja*, **sq-xoda*, **sq-xodь*, **u-šcerь* вводят еще несколько древних именных сложений с префиксами **sq-* и **u-*. Специально отметим возможности, которые рассмотренная выше гидронимия демонстрирует при попытке вскрыть ее ареальные связи, результатом чего стало выделение целого пучка изоглосс, ср.: **boxotь* (рус.-пол.-болг.), **vęzмень* (рус.-пол.), **kremьna* : **kremьno* : **kromьno* (рус.-пол.), **xolxolь* (рус.-серб.), **čajьнь* (рус.-пол.-слвн.), **styrькь* : **styrь*, **styrькь* (внутренняя вост.-слав. изолекса).

Литература

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изд. Археографическою комиссиею [Текст] / [под. ред. Н. Калачева]. – СПб., 1857–1901. – Т. I–III и Указатель.

2. Акты феодального землевладения и хозяйства. Часть 3 [Текст] / [сост. Черепнин Л. В.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 446 с.

2а. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 9 (*врáндовать – galón*) [Текст] // А. Е. Аникин. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2015. – 383 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.] – 3-е изд., испр. и знач. доп. [Текст] / В. И. Даль / [изд. под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ]. – СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1911. – Т. IV. – 1619, XII, XVI с.

4. Етимологічний словник української мови : у 7 т. [Текст] / [гол. ред. О. С. Мельничук]. – К. : Наукова думка, 2012. – Т. 6 : У–Я. – 568 с.
5. Желєзняк І. М. Київський топонімікон [Текст] / І. М. Желєзняк. – К. : Кий, 2014. – 216 с.
6. Іліаді О. І. Слов'янські мовні релікти в топонімії Балкан [Текст] / О. І. Іліаді. – К. ; Кіровоград : КОД, 2008. – 420 с.
7. Іліаді О. І. Праслов'янська топонімія балканського ареалу [Текст] : дис. ... докт. філол. наук : 10.02.03 – слов'янські мови / О. І. Іліаді. – К., 2008. – 478 с.
8. Казлова Р. М. Беларуска і славянська гідранімія. Праславянські фонд [Текст] / Р. М. Казлова. – Гомель : ГГУ, 2000. – Т. І. – 262 с.
9. Книга Большому Чертежу [Текст] / [подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 228 с.
10. Кусов В. С. Чертежи земли русской XVI–XVII вв. [Текст] / Кусов В. С. – М. : Русский мир, 1993. – 376 с.
11. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть II. [Текст] / А. К. Матвеев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 369 с. + 32 карты.
12. Матвіяс І. Г. Варіанти української літературної мови [Текст] / І. Г. Матвіяс. – К. : Б. в., 1998. – 168 с.
13. Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология (к семантической типологии) [Текст] / Л. Г. Невская. – М. : Наука, 1977. – 227 с.
14. Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. 2-е изд. [Текст] / Ю. В. Откупщиков. – СПб. : Филфак СПбГУ, Академия, 2005. – 316 с.
15. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов [Текст] / [сост. И. П. Ермолаев, Д. А. Мустафина]. – М. : Ин-т Российской истории РАН, 2001. – 541 с.
16. Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII в.в., изд. Рязанской Ученой архивной комиссией [Текст] / [под ред. члена Комиссии В. Н. Сторожева]. – Рязань, 1900. – Т. I, вып. 2. – 753 с.
17. Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века [Текст] / [отв. ред. Н. А. Горская]. – М. : Ин-т российской истории РАН, 1997. – 309 с.
18. Псковские летописи [Текст] / [под ред. А. Н. Насонова]. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Вып. II. – 363 с.
19. Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII в. [Текст] / [под ред. док. філол. наук С. И. Коткова]. – М. : Наука, 1990. – 232 с.
20. Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи [Текст] / [отв. ред. В. П. Вомперский]. – М. : Наука, 1993. – 240 с.
21. Рагозин В. Волга [Текст] / В. Рагозин. – СПб. : Типогр. К. Ретгер, 1880. – Т. I. – 387.
22. Садиков П. А. Очерки по истории опричнины [Текст] / П. А. Садиков. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 593 с.

- 22а. *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. II : Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства [Текст] / Д. Я. Самоквасов. – М. : Типогр. Имп. Моск. ун-та, 1909. – 629 с.
23. Словарь русских народных говоров [Текст] / [под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова]. – Л. ; СПб. : Наука, 1965–2018. – Вып. 1–50.
24. Словник гідронімів України [Текст] / [гол. редколегії К. К. Цілуйко]. – К. : Наукова думка, 1979. – 780 с.
25. *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер) [Текст] / Г. П. Смолицкая. – М. : Наука, 1976. – 402 с.
26. *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка [Текст] / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – Т. I–IV.
27. *Сташевский Е. Д.* Опыты изучения писцовых книг Московского государства в 16 веке. Выпуск 1: Московский уезд [Текст] / Е. Д. Сташевский. – К., 1907. – 106 с.
28. *Толстая С. М.* Фонетические наблюдения над ономатопеическими образованиями с суффиксом *-ot* в верхнелужицком [Текст] / С. М. Толстая // Исследования по славянскому языкознанию: Сб. в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. – М. : Наука, 1971. – С. 272–280.
29. *Топоров В. Н.* «Baltica» Подмосковья [Текст] / В. Н. Топоров // Балто-славянский сборник / [отв. ред. В. Н. Топоров]. – М. : Наука, 1972. – С. 217–280.
30. *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I [Текст] / В. Н. Топоров // Балто-славянские исследования. 1986. – М. : Наука, 1988. – С. 154–177.
31. Труды Орловской ученой архивной комиссии [Текст]. – Орел, 1891. – Т. III. – 153 с.
32. *Трубачев О. Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста) [Текст] / О. Н. Трубачев. – М. : Междунар. фонд слав. письменности и культуры, 1993. – 68 с.
33. *Трубачев О. Н.* Заметки по славянской ономастике [Текст] // *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 341–347.
34. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / Макс Фасмер ; [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина]. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.
35. *Флоринский Т.* Памятники законодательной деятельности Душана, Царя сербов и греков. Хрисовулы. Сербский Законник. Сборники византийских законов [Текст] / Т. Флоринский. – К., 1888. – 491 с.
36. *Цагаева А. Д.* Топонимия Северной Осетии [Текст] / А. Д. Цагаева. – Орджоникидзе : Ир, 1975. – Ч. II (Словарь географических названий). – 560 с.
37. *Шульгач В. П.* Гідронімія басейну Стиру [Текст] / В. П. Шульгач. – К. : Наукова думка, 1993. – 142 с.

38. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд [Текст] / [под. ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева]. – М. : Наука, 1974–2016. – Вып. 1–40.
39. *Bezljaj F.* Slovenska vodna imena [Text] / F. Bezljaj. – Ljubljana : SAZU, 1956–1961. – D. I–II.
40. *Dickenmann E.* Studien zur Hydronymie des Savesystems [Text] / E. Dickenmann. – Heidelberg : Carl Winter, 1966. – Bd. I–II.
41. Lata wojny trzynastoletniej w «Rocznikach, czyli kronikach» inaczej «Historii polskiej» Jana Długosza (1454–1466) [Text] / [oprac. S. M. Kuczyński]. – Łódź : PAN, 1964. – Vol. I.–170 s.
42. *Ramovš F.* Historična gramatika slovenskega jezika II: Konzonantizem [Text] / F. Ramovš. – Ljubljana : Učiteljska tiskarna, 1924. – XVIII + 336 s.
43. Russisches geographisches Namenbuch [Text] / [Begr. von M. Vasmer]. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1962–1980. – Bd I–X.
44. *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego [Text] / F. Sławski // Słownik prasłowiański / [pod red. F. Sławskiego]. – Wrocław etc., 1974. – T. I. – S. 43–141.
45. Słowiańska onomastyka. Encyklopedia [Text] / [pod red. E. Rzetelskiej-Feleszko i A. Cieślikowej przy współ. J. Dumy]. – Warszawa ; Kraków : T-wo Naukowe Warszawskie, 2002–2003. – T. I–II.
46. *Szulowska W.* Nazwy wód w Polsce [Text] / W. Szulowska, E. Wolnicz-Pawłowska. – Warszawa : PAN DIT, 2001. – Cz. I: Układ alfabetyczny. –337 s.
47. Wörterbuch der russischen Gewässernamen [Text] / [Begr. von M. Vasmer]. – Berlin ; Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1961–1969. – Bd I–V.
48. Wörterbuch der russischen Gewässernamen [Text] / [Begr. von M. Vasmer]. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1973. – Lief. 15: Nachtrag. – 231 S.
49. *Zaimov J.* Bulgarische Gewässernamen [Text] / J. Zaimov // Zeitschrift für Slawistik. – 1961. – Bd VI, H. 1. – P. 43–60.

---

¹ В литературе отмечены случаи неоднозначной производности глаголов на *-ot-ati*, ср., напр., трактовку **bьlbotati* как производного от имени **bьlbotь* или глагольного интенсива на *-ot-ati* от **bьlbati* [ЭССЯ 3: 116] и др. Однако, большинство известных образований праславянского времени, видимо, все-таки мотивированы субстантивами на *-otь*, тогда как деривация форм на *-ot-ati* от корневых глаголов относится к эпохе существования отдельных славянских языков. Ср. основанный на наблюдениях за ономотопеической лексикой в верхнелужицком вывод С. М. Толстой о том, что «в более поздние эпохи, когда глаголы на *-otać* получили самостоятельную продуктивность, они могли образовываться уже непосредственно от глаголов на *-ać*, минуя промежуточную стадию отглагольного существительного на *-ot*» [28, с. 274].